

Из новых книг — Е. КИСЕЛЕВА

«Я — москвич!»

Издательство «Молодая гвардия» выпустило недавно книгу Е. Киселевой «Рассказы о дяде Гилие» — жизнеописание известного русского литератора, прекрасного знатока Москвы Владимира Алексеевича Гиляровского, автора широко известной и любимой читателями книги «Москва и москвичи». Сегодня мы предлагаем нашим читателям несколько фрагментов из книги Е. Киселевой.

ней расспросить дядю Гиляя об Иване Кулакове — хозяине нескольких известных в старой Москве ночлежных домов на Хитровке. Одна из этих ночлежек, особенно страшная, так и называлась — «Кулаковка». Интерес Есенина к Кулакову вот откуда шел: прототип героини его поэмы «Анна Снегина» — А. И. Кашина — была дочерью Кулакова. Кулаков имел в Константинове дома, где Кашина жила и где встречался с ней С. А. Есенин. Так и провели вечер в разговорах о старой Москве, о Хитровке...

Константин Георгиевич Паустовский. Смуглый, худой, тонкий, совсем молодой, удивительно внимательный и чуткий человек, дивный рассказчик. Он постоянно бродил по России, то где-то у моря, то по лесам и, возвращаясь, приносил в Столешники свежий ветер, своих бесконечных странствий. Особенно часто приходил с тех пор, как стали соседями. Паустовский поселился в новом, выстроенном в Столешниковом переулке кооперативном доме писателей. Он дружил с затем дяди Гиляя — Виктором Михайловичем Лобановым, вместе они сотрудничали во многих газетах и вместе рассказывали дяде Гиляю о редакционных новостях.

Из литературной молодежи дружил дядя Гиляй с писателем Александром Никаноровичем Зуевым. Он был родом из Архангельска, хорошо знал и любил Север — спокойной, преданной любовью северянина.

Состояние у дяди Гиляя в последние годы было такое: кончал книгу, и хотелось поскорее приниматься за другую, хотелось много рассказать, а время неумолимо бежало и отсчитывало часы, дни, увеличивало годы, уменьшало силы.

Начинал работу всегда с папки. На отдельных листах записывал мысли, темы, факты, вдруг приходившие в голову, названия мест, фамилии, варианты возможных будущих глав. Все это обычно проделывал в Москве, зимой. На папке для очередной книги о старой Москве написал: «Москва, Картино, 1928 — ?». Это значило: работа началась в 1928 году, а когда кончится, пока остается вопросом. Летом этого года в Картино почти не работал, отдыхал, только окончательно дал имя будущей книге — «Записки москвича».

Новая книга о Москве была написана меньше чем за год. Конеч стал виден к осени 1929-го. Прочел все и, убеждая, не то себя, не то других, внес в тетрадь запись: «Импровизировать и фантазировать мне не надо. Я пишу о далеких былых, из которых могут родиться легенды, но я дальше былей не иду».

Теперь дядя Гиляй хотел рассказать о друзьях. Среди друзей — и знаменитые, и миру неизвестные. Рассказывать только об известных? Но знаменитые люди были не менее интересны.

И вот решил, что будет писать книгу о встречах, и название ей дал «Друзья и встречи».

Работу начал с главы о Марии Николаевне Ермоловой. Из знаменитых в первую очередь хотелось о ней.

В книгу «Друзья и встречи» вошли рассказы об Антоне Павловиче Чехове, Льве Николаевиче Толстом, Валерии Яковлевиче Брюсове, Алексее Кондратьевиче Саврасове.

«Друзья и встречи» были сданы в издательство «Советская литература». Там ему предложили сократить главу о Ермоловой. Гиляровский отказался — предпочел снять ее совсем.

Силы медленно уходили. Это чувствовал дядя Гиляй и торопился с работой. Пришлось перенести операцию.

Неудача с главой о Ермоловой возвратила мысль к театру. Ведь с заметок о театре, с театральными анекдотами началась когда-то литературная работа.

Еще в прошлом веке был задуман роман о театре. Набросаны некоторые эпизоды. Теперь вспомнилось об этом и захотелось написать, но только не роман, а «правдивую повесть о людях театра». Героями ее стали «безвестные перелетные птицы», заполнявшие когда-то провинциальные сцены России. Как обычно, над повестью «Люди театра» работал то в Москве, в Столешниках, то в Картино.

В Картино Гиляровский написал последние строки книги «Люди театра», поставил под ними: «Картино — Столешники, 1932—1933—1934 гг.».

А журналистика, репортерство? И над этой темой работал дядя Гиляй, работал долго, отвлекаясь и возвращаясь. Рукопись книги — назвал ее «Москва газетная» — всегда лежала на столе.

Просматривая книги «Москва и москвичи», «Записки москвича», досадовал: как мало рассказал! Работая над «Мои скитаниями», «Друзьями и встречами», над «Людьми театра» и «Московской газетной», возвращаясь к любимой теме — «Москва» — и решил создать окончательный текст книги «Москва и москвичи». Придут дочь, зять — их слушал с удовольствием, радовался успехам, успокаивал в огорчениях. Но оставался один — и снова углублялся в работу. В столовой большой обеденный стол был раздвинут, половину его занимали рукописи, папки, листы. Иногда вставал ночью и записывал. Боясь разбудить домашних, света не зажигал, а чтобы строчки не набегали одна на другую, писал и отгибал лист, снова строчку писал и отгибал — к утру таких гармошек набиралось немало. Складывал их в особую папку, постоянно лежащую перед ним на столе.

По каким-то делам однажды пришлось дяде Гиляю зайти в домком. Увидел там широкоплечего человека в форме моряка. Сначала Владимир Алексеевич не обратил внимания, потом что-то знакомое мелькнуло в улыбке моряка, а когда тот, собираясь уйти, приложил к козырьку руку, увидел, что на ней не было двух пальцев... Словом, это оказался тот рыжий бездомный сирота Коська, которого нищенки Хитровки носили с собой, чтобы вызвать жалость. Коську знал дядя Гиляй пятилетним, он тогда сходил за годовалого — до того был тощ, худ и мал от постоянного недоедания. После революции попал он в детский дом. Прошли годы, и нищий Коська стал штурманом дальнего плавания. Вернувшись из домкома, дядя Гиляй написал рассказ «Штурман дальнего плавания». Очень сожалел, что рукописи книги «Москва и москвичи» была уже в издательстве «Советский писатель».

А рассказом «Штурман дальнего плавания» хорошо бы закончить, — говорил дочери. — Так, видно, и останется моя книга «Москва и москвичи» недосказанной, недопетой.

...В тиши Столешников за обеденным столом — участником встреч с друзьями — написал Гиляровский и эти строки предисловия к любимой книге: «Я — москвич! Сколь счастьем тот, кто может произнести это слово, вкладывая в него всего себя! Я — москвич!».

Случилось так, что из редакции газеты «Известия» обратились к дяде Гиляю с предложением написать о Хитровке, когда труппы эти были наконец закрыты. К статье он взял эпиграфом слова из газетного сообщения: «Хитров рынок ликвидирован».

Он приступил к книге о старой Москве осенью 1924 года. Начал с рассказа о Хитровке. Работал в Столешниках за большим обеденным столом, не уединяясь, не отгораживаясь от текущей жизни. Писал на больших листах бумаги, чаще карандашом, иногда и чернилами. В конце каждого дня с удовольствием смотрел на количество выросших страниц, заполненных убоиством, но ясным и четким почерком.

Меньше чем в год написал свою первую книгу о старой Москве. Назвал «Москва и москвичи». Работал не прерываясь, не отвлекаясь, не замечая ни шума, ни тишины, часто путая день с ночью. Писал об одном, а рядом возникали новые и новые московские темы. Не надо было ни собирать материалы, ни придумывать — все давно собрано, пережито и направляло, двигало руку — неожиданно властно и энергично. Беспокоило только одно — хватало бы сил для работы.

Сдал дядя Гиляй рукопись «Москва и москвичи» в августе 1925 года, а в декабре, к дню своего рождения, уже получил первые авторские экземпляры.

В январе 1926 года книга «Москва и москвичи» поступила в продажу, тираж ее был 4 тысячи и еще 100 экземпляров номерных на хорошей бумаге. Книга разошлась мгновенно.

Немедля, не откладывая, преодолевая неотпускавшую головную боль, приступил к новой работе, к следующей книге.

Осенью 1927 года закончил «Мои скитания» и, возвратившись из Картино, отдал рукопись на машинку. Затем еще несколько раз читал, шлифовал ее в Москве.

Отправил рукопись в издательство «Федерация» 18 марта 1928 года. А в сентябре дарил книгу друзьям.

Дядю Гиляя очень интересовала новая, молодая писательская среда. Не то чтоб хотел идти на поводу у молодежи, подлаживаться, нет, напротив, свои позиции он не сдавал. Однако интерес к молодым жил в нем постоянно. И заглядывал, если время позволяло, в места, где собиралось «племя младое, незнакомое»...

Устраивались в литературных кафе диспуты с участием театральных деятелей. Особенно активно выступал Мейерхольд, иногда появлялся Луначарский, много энергии отдавали этим вечерам Вадим Шершеневич, Александр Кусиков и сосед дяди Гиляя по дому в Столешниковом Ипполит Соколов — он жил этажом выше. К первым годам революции Ипполит со всем пылом молодости увлекся поэзией, ходил на курсы стиховедения, где читали лекции Брюсов, Белый, Иванов. На курсах Ипполит познакомился с молодым поэтом Иваном Грузиновым, увлеченным имажинистами, но главное — Сергеем Есениным, его поэзией. Вскоре Иван Грузинов занял одну из комнат в квартире, где жил Соколов, и у них стали собираться молодые поэты: Борис Земенков, Галина Владычина, Сергей Спасский, Семен Родов. Случалось, вся молодая компания заходила к дяде Гиляю. С интересом присматривался он к этому молодому поэтическому сообществу. Их горячность была достойна поощрения и уважения, но стремления иногда вызвали сожаление.

Иногда Иван Грузинов заглядывал в Столешники один. Он нежно привязан был к Есенину, страдал из-за жизненной неустроенности поэта. Грузинова можно было увидеть везде, где бы ни появился Есенин. За чаем, не умолкая, рассказывал он о Есенине, читал его стихи. Как-то Есенин появился вместе с Грузиновым в Столешниках, и тут выяснилось: давно хотел Сергей Александрович подроб-